

Останин В.А.,
д.э.н., профессор ДФУ

СОВРЕМЕННАЯ ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК УСЛОВИЕ НЕЭФФЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ

Аннотация. В статье раскрывается сущность таможенной политики и функции таможенного тарифа. Доказана необходимость передачи фискальной функции таможни в ведение налоговой службы.

Ключевые слова – таможенная политика, таможенный тариф, неэффективное экономическое равновесие, коррупция, трансакционные таможенные издержки, таможенный риск-менеджмент

Инструменты таможенной политики и их возможности в моделях экономического роста остаются одной из наиболее востребуемых тем научных и политических дискуссий. Общеизвестно положение, что углубление глобализации экономики, расширение и рост внешней торговли позволяет использовать преимущества от разделения труда в каждой из торгующих стран. Это положение было описано патриархом классической экономической теории А. Смитом в его работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». Сам стиль изложения был настолько понятен, что и до сих пор мало кто сомневается в данной азбучной истинности и фундаментальной для науки ценности для современной российской политико-экономической действительности. Проблемы политики возникают тогда, когда научный подход выносить суждение с позиции вечности (*sub specie aeternitatis*) переносится на современность без учёта его специфики как пространства, так и времени. То, что может приниматься за истину сегодня, вряд ли было логически вытекать из постулатов классической политэкономической мысли времен доадамовских. И то, что было истинным при А. Смите, может стать анахронизмом сегодня. Это относится и к общеизвестному постулату А. Смита, суть которого в том, что основное правило каждого благоразумного главы семьи можно свести к требованию – не производить самому такие предметы, покупка которых обходится дешевле. Портной не шьёт себе сапоги, а покупает их у сапожника. И что представляется разумным в образе действия любой частной семьи, может остаться разумным и для всего королевства. Следовательно, выгоды, которые приобретает частный товаропроизводитель в результате использование преимуществ разделения труда, становятся источниками роста потребления и расширенного воспроизводства. Эта разница в производственных издержках, в конечном счёте, выявляется как разница в ценах на продукты труда в разных странах.

Позже Д. Рикардо углубил и развил данное положение, введя в оборот понятие относительных издержек, относительных конкурентных преимуществ. Исходные посылки в этой модели несколько модифицировались. Рикардо Д. исходил уже из ограниченности ресурсов, которые следует, как человеку экономическому распределять наиболее эффективно. Теория валютного курса завершает это явление тем, что превращает относительное преимущество в ценах в абсолютное ценовое преимущество. Разница цен становится причиной международных потоков товаров и услуг. Причины же можно свести к разнице в методах производства, разнице в обеспеченности факторами производства, разнице в предпочтениях, в поведении спроса. Однако то, что принималось за истину в последней инстанции у А. Смита, было превращено в очередное теоретическое недоразумение у Дж. М. Кейнса.

Разница в методах производства раскрывается в различии во владении, например, природными ресурсами, в различающихся при их наличии условиях доступности, в технологии производства, в экономии от масштаба, наконец, в господствующей ментальности нации. Для одних принимается более естественней присваивать на спекуляциях, для других – присваивать в процессе материального производства. Результат

от разницы в обеспеченности факторами производства составляет суть теоремы факторных пропорций Хекшера-Олина. Данная теорема достаточно хорошо объясняет сегодняшнюю российскую ситуацию. Богатая ресурсами Россия экспортирует ресурсоёмкие товары с минимальной добавленной стоимостью. А вот из страны богатой инновационными товарами, товарами высоких технологий, например, США, мы импортируем не только наукоёмкие товары, но сомнительные спекулятивные ценности в области финансовых инструментов.

И если в экономической политике принять данное положение как не подлежащее даже критическому осмыслению, то следует согласиться и с логическим результатом. Россия обречена оставаться сырьевым придатком в международном разделении труда, обмен товарами во внешней торговле будет закреплять состояние неэквивалентности. Цены на продукты высоких технологий всегда имеют тенденцию опережать рост цен на товары ресурсоёмких производств.

При этом упускается из виду, что доводы и ссылки на А. Смита, Д. Рикардо не могут быть признаны убедительными. Подобный примитивизм примеров обмена продукта труда башмачника на сюртуки портного следует оставить для школьных аудиторий в курсе истории экономических учений, но только не для теоретических обоснований при выработке экономической политики страны. Теоретическое обоснование формирования открытых рынков на основе теории сравнительных преимуществ при всей её простоте и доступности выводов о том, что международный обмен благами между странами выгоден даже тогда, когда одна из стран производит все блага дешевле, чем другая, только укрепляет позицию политиков в том, что ресурсоёмкая структура экспорта выгодна государству.

Однако при всей ясности механизма формирования положительного результата от международного разделения труда, возникает вопрос, каким образом Россия сможет преодолеть ресурсоёмкую структуру своего экспорта. Насколько свободный рынок способствует оптимальному развитию производительных сил общества в Российской Федерации и насколько может быть признан справедливым порядок распределения суммарного положительного эффекта стран от внешней торговли. Другими словами, насколько уместно при подобной структуре экспорта вообще употреблять термин «взаимовыгодная торговля». Если две страны даже сводят свои значения чистого экспорта с нулевыми результатами, то в какой пропорции будет поделен суммарный излишек, если последний рассматривать в соотношении с национальными издержками?

Как мы полагаем, в долгосрочном плане подобная форма внешнеторговых обменов не может быть признана оптимальной. Все страны будут проигрывать в мировой торговле тем странам, которые будут поставлять на мировой рынок наукоёмкие продукты и технологии. Отсюда следует и соответствующий вывод – Россия должна реализовать свои возможности выхода на мировые рынки с продуктами высоких технологий, что станет возможным только за счёт ускоренного развития науки, образования, современных технологий. Развитие не на основе факторов производства, с концепции теории М. Портера, и даже не на основе инвестиций, а только на основе инноваций.

Всё это позволяет наметить контуры новой экономической, таможенной, промышленной и иной политики в России на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Важно осознать одно, в первом приближении парадоксальное положение современной экономической действительности, когда громадный объём таможенных платежей всегда представлялся как некое благо от поступления валютной выручки, таким всё же не является. Если рассмотреть издержки в наиболее простой концепции К. Маркса, то их можно свести к затратам постоянного и переменного капитала. Когда товар реализуется на внешнем рынке, то экспортёр получает уже выручку, которая покрывает отечественные издержки. Издержки иностранного покупателя есть доходы национальных резидентов, всех субъектов национальной экономической системы. Но при громадной разнице в валютной выручке и рублёвых издержках при сложившемся валютном курсе

экспортёр частично возмещает издержки в рублёвой массе, а остальное обрушивается на валютный рынок. Если принять в качестве общеизвестного случая, что Центральный банк России скупает эту валютную выручку, то расплатиться он может только тем, что станет результатом эмиссии рублевой массы. Но эти деньги, которые окажутся у экспортёра, будут тем больше давить на денежный рынок со стороны спроса, чем большая эффективность от внешнеэкономической деятельности у экспортёра. Однако дополнительно вброшенная денежная масса в национальную экономику может привести только к одному результату. Это обесценивает прежние накопления уже всех субъектов национальной экономики. Центральный банк не может не выкупить, в конечном счете, эту валютную выручку, ибо его задача добиваться оптимального соотношения спроса и предложения валют, не допуская резких и неожиданных изменений, так как влияние последних в современных экономиках может быть непредсказуемо как по направлениям, так и по силе воздействия. Тогда можно сформулировать очередную «ловушку», в которой оказалась национальная экономика. Чем более эффективна торговля ресурсами на внешнем рынке, тем в большей степени изымаются доходы у населения страны в форме «налога на деньги», тем больше возможностей у лидеров национальной экономической политики и дальше позиционировать себя как «спасителей», как отцов нации, раздающим каждому субъекту по принципу встроенности его в данную систему распределения национального богатства. Поэтому имеет определённый смысл реализуемая в настоящее время политика Банка России, Правительства страны, в результате которой всякими возможными приемлемыми формами избыточные доходы размещаются в иных государствах в различного рода ценных бумагах, при условии того, что отсутствие эквивалентности во внешней торговле может быть компенсирована результатом оппортунизма в распределении власти преобладающих. Но положительным является то, что эти меры, эта политика позволяет несколько снизить давление инфляции.

Ситуация оказывается существенно обременённой дополнительными негативными для всей национальной экономики последствиями. Так, если исходить из предположения, что будут сохраняться обменные курсы и мировые цены, то наращивание экспорта ресурсоёмких отраслей имеет вторую сторону. Фактически это есть наращивание спроса на ресурсы страны со стороны иного мира. Расходы иного мира на продукцию страны есть доходы национальных производителей. Следовательно, наращивание экспорта становится фактором увеличения национального дохода с учётом предельной склонности к потреблению. Это общеизвестное положение можно было бы оставить как само собой разумеющееся в своих последствиях формирования импульса возрастания доходов в других отраслях национальной экономики с учётом мультипликативного эффекта. Однако следует учитывать негативные последствия для всей экономики подобного обстоятельства. Экспортно-ориентированные отрасли сырьевой направленности, которые обнаруживают высокую доходность от экспортных операций, а также от разведки, добычи, транспортировки сырья в условиях ограниченности ресурсов будут оттягивать через ценовой рыночный механизм на свои отрасли, предприятия эти ограниченные ресурсы. Фактически тем самым будут угнетаться, подавляться иные отрасли, которые не выдержат межотраслевую конкуренцию за ресурсы. Этот эффект угнетающего воздействия высокоэффективных отраслей, отдельных предприятий на экономику в целом был детально изучен учёным Т.М. Рыбчинским. Следовательно, не учитывать этот эффект в процессе реализации той или иной модели экономического роста нет оснований.

Негативно сказывается и накачивание денежной массы национальной экономики в результате экспорта. Если необходимый продукт, по К. Марксу, присваивается наёмными работниками, рядовыми служащими компаний, то полученная прибыль есть факторный доход на капитал. Он присваивается в соответствии с законами рыночной экономики собственниками факторов производства, т.е. капитала. Это уже весьма богатая прослойка российского общества, которая теперь уже сама формирует спрос не столько на продукцию отечественного производства, стимулируя национального производителя, а на продукцию

иностранных компаний. Следовательно, и в этом случае влияние наращивания экспортных возможностей продукции сырьевых отраслей не является реальным фактором экономического роста национальной экономики. Высокая доходность экспортно-ориентированной экономики не есть фактор устойчивого развития России в долгосрочном периоде. Непонимание, а скорее, неприятие в силу корпоративных олигархических интересов этого фундаментального положения ведёт к застою при внешней видимости процветания, роста ВВП и мнимого прогресса.

Осуществить корректировку курса и добиться при этом положительных результатов с помощью инструментов внешнеторговой политики представляется весьма сомнительным. Таможенные пошлины как фискальные, так и защитные, по Ф. Листу, квоты, нетарифные торговые барьеры, а также субсидирование и использование возможностей государственных предприятий, являющихся участниками ВЭД, вряд ли будут располагать достаточными возможностями для условий рыночной экономики, которая подписалась под соглашениями ВТО. Корректировке нуждается вся внутренняя и внешняя политика России.

Сейчас продолжает оставаться серьёзной теоретической проблемой становление теории таможенного тарифа в новых условиях, когда его возможности в связи с вступлением России в ВТО становятся всё более ограниченными и взаимоувязанными с обязательствами членства в мировых финансово-экономических организациях. Положение становится ещё более сложным, если принять во внимание тот факт, что в настоящее время нет не только внятной политики таможенного тарифа, но и теории таможенного тарифа.

Таможенный тариф следует рассматривать как форму косвенного налога на продукцию нерезидентов. При констатации азбучных положений о природе косвенного налога следует признать, что роль этого налога на производителя и потребителя будет весьма различна и существенна для всех. Если также признать в качестве азбучной экономической догмы, что конечными плательщиками косвенного налога являются его граждане, покупающие товары или потребляющие услуги, то следует также признать – таможенные пошлины лишают финансовых ресурсов производителя до того момента, когда он ещё не реализовал свои товары. Чем выше пошлины на капитальные товары, тем выше бремя на производителя и потребителя. Но если покупатель всегда может сделать выбор – покупать подакцизный товар, или отказаться от покупки, то у производителя дилемма формулируется в ином контексте – быть или не быть ему как производителю.

Поэтому таможенная политика не может быть однозначно определённой относительно таможенного тарифа. Следует задать вопрос о природе, объекте таможенного налогообложения. Таможенные услуги по таможенной очистке товара оказываются не сводимы к нулевой сумме. Если для потребителя они разумны и приемлемы как изъятие части дохода в силу более справедливого его перераспределения, то для участника ВЭД, импортирующего капитальные ценности и национальной экономики это никогда не будет сводиться к нулевой сумме. Угнетающее воздействие таможенного тарифа на импортера капитальных ценностей есть факт не только теоретически доказанный, но и факт пагубности современной таможенной политики. Этот косвенный налог импортер будет нести до момента получения конечного результата, выручки от последующей продажи готового продукта.

Теорию таможенного тарифа следует рассматривать как составную часть теории косвенного налога и налога вообще. Налог на производительный капитал есть скорее не только свидетельство пагубности экономической политики вообще, но и таможенной политики, в частности. Подход с позиции удобства, эффективности для фискального органа не может преобладать над подходом эффективности налога с позиции целого, национальной экономики. Если перефразировать слова римского императора Веспасиана, то овец, или национальную экономику, следует стричь, а не убивать. Таможенные пошлины на производительный капитал убивают национальную экономику, лишая её ресурсов до момента, когда результат ещё *in potentia*.

Таможня может получать доходы от оказания услуг по таможенному контролю, что

закреплено инструментом – таможенные сборы. Эти услуги платные, государство вправе их устанавливать. Однако величина транзакционных издержек уже не будет столь обременительной. Это позволит снять многие таможенные преференции, поставив всех участников в равные условия. Таможенные преференции, когда они трактуются как выполняющие стимулирующие функции, скорее следует ассоциировать с удавкой на шее висельника, вроде бы дают ещё возможность подышать. При этом мы согласны признать, что эффект Т.М. Рыбчинского не может восприниматься столь однозначно для российской экономики. Экономическая политика, используя инструменты таможенного тарифа вполне в состоянии реализовать требуемые пропорции роста национальной экономики. Однако при этом следует понимать и пагубность современной таможенной политики для национальной долгосрочной стратегии. Предложение таможенных услуг обременено таможенными платежами, оставаясь при этом моделью с нулевой эластичностью. Казалось бы, что в этом случае в выигрыше остаётся обладающий экономической властью монополист. Однако это предельно острое оружие оказалось в руках политико-экономических невежд, которых обслуживают скорее «околонаучные холуи». Здесь скорее уместна аналогия в сравнение с римлянами, обладающими абсолютным преимуществом в области военного искусства, но которое досталось им не по разуму им обладающими.

Следует помнить, что интересы таможенного института есть интересы целого, органа, т.е. государства. Изъятие дохода таможенными органами должно соотноситься с возможностями и практикой института государства – налоговой службой. Когда фискальная служба реализуется двумя органами с одной доминирующей стратегией – максимально возможной ставкой изъятия – то эта теоретическая модель уже никогда не может состоятельной, по крайней мере с момента решения проблем эффективности олигополии по А. Курно. Интересы части не есть интересы целого вообще, если к целому подходить как организму, по Г. Гегелю. Если господствуют интересы части, то они господствуют уже не над целым, т.е. организмом, а над «трупом». Эта модель экономической, а, следовательно, и таможенной, политики, есть модель «самопоедания» целого, в угоду господствующей её части, олигархической экспортно-ориентированной структуры. Экономика не может эксплуатировать результат мультипликативного эффекта, что может быть признанным эффектом «даровой общественной силы» национального обустройства его, государства, институтов. Таможенный тариф на товары капитальной ориентации должен быть минимальным, если вообще быть отменённым. Каждый рубль полученных таможенных платежей должен взаимоувязываться с ущербом, который наносится национальной экономике.

Это суждение позволяет сформулировать следующие выводы. Современное состояние экономики при монополизме государства на реализацию таможенной политики всегда следует рассматривать как состояние устойчивого равновесия. Однако это состояние равновесия не есть состояние эффективного равновесия.

Если экономическая теория, находясь под влиянием очередного «мейнстрима», стремится обосновать разумность моделей устойчивого равновесия, то мы, следуя вслед за Дж. М. Кейнсом, склонны полагать, что таможенная политика скорее лежит в векторе ложной парадигмы национального развития. Таможенные платежи не просто есть транзакционные издержки национального участника ВЭД, они есть транзакционные издержки, умноженные на мультипликативный эффект для всей национальной экономики.

Одновременно возникает проблема эффективности государственного менеджмента. Может ли быть достигнут максимум эффективности функционирования двух независимых относительно институтов – таможенного и налогового института – преследующих одну и ту же цель в форме максимизации изъятия доли дохода его граждан.

Ответ также был дан более века назад величайшим экономистом и математиком А. Курно. Высшая эффективность может быть достигнута в рамках монополии. Этой монополией является государство как целое, а не его отдельные институты, хотя и являющиеся по юридической форме государственными, но таковыми по процессу

общенародного присвоения не являющиеся. Фискальная функция таможи должна быть передана в ведение налоговой службы. Это позволит не только снизить издержки изъятия налоговых доходов, но и сформировать более целостную экономическую политику. За таможенными органами должна остаться только её существенная функция – таможенный контроль за ввозом и вывозом в соответствии с допустимым, заявленным и фактическим товаром или ценностью. Одновременно это позволит сузить поле коррупции, сфокусировав его на налоговом институте. Таможня всё-таки должна давать «добро», а не взимать «добро», оставив эту функцию «фискалам» по своей природе – налоговым службам. В условиях глобализирующейся мировой экономической системы открытость или закрытость экономического пространства получит инструментарий более целостного воздействия на внешнее окружение и формирование внутренних факторов экономического развития.

Представленная модель изъятия дохода позволит не только сделать более прозрачной саму схему изъятия, но и существенно подорвать поле коррупции. Будут прозрачными правила игры, которые устанавливает государство, т.е. его институты. Бизнес-сообщество как внутри страны, так и за рубежом, само государство получит вполне более внятные сигналы, ориентиры, возможности, что повлияет на инвестиционный климат в России, снизив транзакционные издержки, уменьшив одновременно размеры коррупционных изъятий у бизнес-сообщества.

Одновременно следует видеть и те внутренние возможности, потенциал таможенных органов, которые позволят снизить транзакционные издержки, подвинув экономику к новому состоянию экономического равновесия. В данной статье речь идёт о снижении коррупционных рисков. При этом под риском мы понимаем не саму опасность, или вероятность реализации этой опасности, а логическую конъюнкцию опасности (потеря, утрата, гибели и т.д.) и вероятности наступления этих опасностей. Если для государства получение налога есть экономической феномен, связанный с качеством и количеством, для участника ВЭД этот же феномен может быть представлен с обратным знаком. Устойчивое равновесие может быть достигнуто только при условии выполнения требований монополиста, т.е. государства. Так как каждый объект есть одно и то же, хотя и лежащий в поле различных интересов, то равновесие в условиях монопольного доминирования может быть достигнуто только на условиях монополиста. Но противоречие в форме конфликта интересов может быть разрешено при однозначно определённой экономической политики тем, что с одной стороны, следует повысить риск для недобросовестного участника ВЭД, с другой, – увеличить шанс государства при выполнении участником ВЭД норм таможенного контроля и выполнения налоговых обязательств. В нашем понимании риска это может быть достигнуто как посредством ужесточения опасности для недобросовестного участника, так и путём совершенствования процедур таможенного контроля, например, на основе селективного подхода к таможенным операциям и их участникам. Последнее позволит воздействовать на механизм таможенного риск-менеджмента уже с позиции вероятности обнаружения самой опасности. Однако результат должен быть один – в экономической системе может быть обнаружен переход из одного неэффективного равновесия к другому, тоже равновесному, но более эффективному при прочих равных условиях, т.е. *ceteris paribus*.